

КЛАССИКА *и* ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...

Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС
СТАУТ

Смертельная
ловушка

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Смертельная ловушка

«Азбука-Аттикус»

1944

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Смертельная ловушка / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1944 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-18919-5

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-18919-5

© Стаут Р. Т., 1944
© Азбука-Аттикус, 1944

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Рекс Стаут

Смертельная ловушка

Rex Stout

BOOBY TRAP

Copyright © 1944 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

All rights reserved

КЛАССИКА
И
ДЕТЕКТИВА

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

Перевод с английского Никиты Вуля

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Н. А. Вуль, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

Направившись к выходу из дома, располагавшегося на Тридцать пятой улице неподалеку от Гудзона и служившего моему шефу еще и конторой, Ниро Вулф, который вышагивал впереди меня, вдруг остановился, причем сделал это настолько резко, что я едва не налетел на него. Повернувшись, он остановился как вкопанный и посмотрел на мой портфель:

– Она у тебя?

– Вы о чем? – с невинным видом поинтересовался я.

– Ты прекрасно знаешь. Я спрашиваю об этой чертовой гранате. Я не желаю, чтобы эта адская машина и дальше оставалась в моем доме. Так она у тебя с собой?

Я не желал сдаваться без боя.

– Полковник Райдер, являющийся моим непосредственным командиром, – сухо, по-военному ответил я, – сказал, что я могу оставить ее у себя в качестве награды за проявленное мужество и героизм в ходе...

– Я запрещаю тебе держать ее в моем доме! Я не имею ничего против пистолетов, поскольку они отчасти являются нашими рабочими инструментами. Эта штукавина – совсем другое дело. Если по чистой случайности чека сдвинется с места, то снесет всю крышу. Про шум и грохот от взрыва я вообще молчу. Я-то думал, ты понял, что я даже не собираюсь это обсуждать. Будь любезен, захвати ее с собой.

Раньше я бы заупрямился и начал спорить. Я бы сказал, что моя комната на третьем этаже – моя крепость. Я бы напомнил Вулфу, что это комната предоставлена мне как часть платы за то, что я терплю его общество, будучи его помощником и телохранителем. Увы, все это сейчас не имело смысла. В данный момент я находился на службе у конгресса, тратившего десять миллиардов долларов в месяц на армию, винтиком которой я и являлся. В результате я лишь пожал плечами в знак того, что согласен пойти у него на поводу. Прекрасно зная о том, сколь сильно Вулф ненавидит стоять и ждать, я не торопясь направился к лестнице и поднялся на третий этаж в свою комнату. Именно там, на комод, я и хранил ее. Граната, выкрашенная в бледно-розовый цвет, длиной примерно семь дюймов и диаметром три дюйма, не производила впечатления смертельно опасной игрушки. Потянувшись за ней, я бросил взгляд на чеку – она была по-прежнему на месте. Убрав гранату в портфель, я все так же не спеша спустился вниз и пропустил мимо ушей замечание, которое Вулф счел нужным мне сделать. Выйдя на улицу, мы направились к припаркованному у тротуара седану.

Бензин без ограничений – вот что Вулф потребовал от армии и тут же немедленно получил. Нет, я не пытаюсь сказать, что Ниро Вулф хотел нажиться на войне. Как раз наоборот, он многим жертвовал ради победы. В первую очередь он отказался от большей части дохода, который получал, будучи частным детективом. Во-вторых, если шла речь о расследовании в интересах армии, Вулф с готовностью жертвовал временем, которое регулярно проводил в оранжерее с орхидеями. В-третьих, он согласился на время забыть о своем железном правиле: максимально избегать лишних движений, особенно за пределами дома. В-четвертых, нельзя забывать и о еде. Я внимательно следил за Вулфом, выискивая повод съехидничать, но он все никак не давал мне повода. Вулф с Фрицем творили чудеса, ограничиваясь лишь тем, что мы получали по карточкам, и это притом, что мы жили в самом центре Нью-Йорка, где буйным цветом цвел черный рынок, а нелегальных торговцев было как грибов после дождя. И несмотря на все это, кухня Вулфа заслуживала наивысших похвал.

Истратив на дорогу не более половины галлона бесценного топлива, и это с учетом остановок, торможения и набора скорости в потоке бесчисленных машин, мы наконец прибыли на место. Я высадил Вулфа перед домом номер 17 на Дункан-стрит, после чего нашел свободное место, припарковался и нагнал Вулфа уже в вестибюле. После того как мы вышли из лифта

на десятом этаже, Вулфу снова пришлось проявить самообладание, чтобы подавить приступ раздражения. Поскольку я был в форме, стоявший на часах капрал отковырял мне, и я ответил ему тем же. Вулфа капрал проигнорировал, и это несмотря на то, что тот бывал здесь не один десяток раз. Разгадка представлялась простой: дело в том, что Вулф был в гражданском, а в нью-йоркском штабе военной разведки к гражданским относились без особого уважения. После того как капрал дал жестом понять, что нам можно войти, мы переступили порог, протопали по длинному коридору с чередой закрытых дверей, одна из которых вела в мой кабинет, свернули за угол и вошли в приемную заместителя начальника военной разведки.

За письменным столом сидела девушка в форме с сержантскими нашивками и стучала по клавишам пишущей машинки.

Я поздоровался, пожелав ей доброго утра.

– И вам доброе утро, майор, – ответила девушка. – Сейчас доложу, что вы пришли. – Она потянулась к телефону.

– Что это, во имя всего святого? – с настойчивостью в голосе спросил Вулф, уставившись во все глаза на девушку.

– Женская вспомогательная служба вооруженных сил, – ответил я. – С тех пор как вы были здесь в последний раз, у нас произошли кое-какие перемены. Теперь тут стало веселее. Вы не находите?

Поджав губы, Вулф продолжил разглядывать девушку. Он не имел к ней никаких личных претензий. Ему просто не давал покоя сам факт, что данную работу выполняет представительница прекрасного пола, которая вдобавок ко всему служит в армии и носит форму.

– Все в порядке, – успокоил я Вулфа. – Все самые важные секреты мы держим в тайне от нее. Например, если кто-нибудь из офицеров носит корсет, она никогда об этом не узнает.

Девушка тем временем повесила телефонную трубку и повернулась к нам:

– Господа, полковник Райдер просил передать, что ждет вас.

– Вы мне не отковыряли, – сурово сказал я.

Если бы у нее было чувство юмора, она бы тут же вскочила и отсалютовала мне, однако этого не произошло. За все десять дней, что она успела у нас поработать, мне так и не удалось выявить у нее хотя бы крупицу этого чувства. Однако это не означало, что я был готов сдаться. Я решил, что она специально водит меня за нос. У нее были серьезные, внимательные глаза и прямой нос. Обычно ожидаешь, что у обладательницы таких черт лица должен быть острый, выступающий подбородок, однако подбородок у девушки никак нельзя было назвать выступающим. Он бы прекрасно уместился у меня в ладони, если бы, конечно, наши отношения зашли настолько далеко.

– Прошу прощения, майор Гудвин, – проговорила она, – я выполняю правила...

– Ладно-ладно, – с деланой небрежностью отмахнулся я. – Познакомьтесь. Это мистер Ниро Вулф. Мистер Вулф, это сержант Дороти Брюс, армия Соединенных Штатов.

Они кивнули друг другу. Я подошел к двери, находившейся на другом конце приемной, открыл ее, пропустил вперед Вулфа, а затем проследовал за ним, аккуратно прикрыв за собой.

Мы оказались в просторном кабинете, располагавшемся в торцевой части здания, с окнами на обе стороны. Кабинет был набит запертыми на замки металлическими шкафами для документов в две трети высоты стен. Единственный просвет в этих шкафах был занят еще одной дверью, которая вела прямо в коридор, минуя приемную.

Царившая в кабинете атмосфера не располагала к веселью и юмору. Четверо сидевших на стульях мужчин напоминали болельщиков, чья любимая команда проиграла два матча подряд. Поняв, что обстановка не требует строгого следования уставу, я не стал козырять. С двумя полковниками и лейтенантом нам уже доводилось встречаться. И хотя четвертого мужчину, в гражданском, видели впервые, мы уже знали, кто он такой. Нас успели о нем предупредить. Более того, любой добропорядочный гражданин наверняка узнал бы Джона Белла Шаттака. Он

был ниже, чем я ожидал, и, пожалуй, чуть поплотнее, однако, когда он встал, чтобы пожать нам руки, и посмотрел в глаза, у меня отпали все сомнения. Да, мы были жителями Нью-Йорка, однако Шаттак, как и полагалось любому политику, понимал, что теоретически мы можем в один прекрасный день переехать в его штат и стать его избирателями.

– Знакомство с Ниро Вулфом по-настоящему знаменательное событие, – произнес он.

Мне показалось, что Шаттак специально старается говорить голосом пониже, чем тот, которым его наградила Господь. Меня это несколько не удивило. После того как Уинстон Черчилль выступил в конгрессе, ему пыталась подражать добрая половина вашингтонских политиков.

Вежливо поздоровавшись с ним, Вулф повернулся к Райдеру:

– Пользуясь возможностью, полковник, спешу принести вам самые искренние соболезнования. Ваш сын. Ваш единственный сын...

Райдер сжал зубы. Прошла уже неделя с тех пор, как он получил печальные известия.

– Благодарю вас, – отозвался он.

– Он убил кого-нибудь из немцев?

– Он сбил четыре немецких самолета. Полагаю, что да, убил. Надеюсь, что убил.

– Не сомневаюсь, – крикнул Вулф. – Я не могу о нем говорить, ведь мы не были знакомы. Но я знаком с вами. Если бы я знал, как вас подбодрить, то непременно сделал бы это. Впрочем, насколько я могу судить, вы прекрасно держитесь и сами.

Вулф осмотрелся, окинув взглядом свободные стулья, обнаружил, что все они одинакового размера, после чего уселся на один из них. Как обычно, его зад на нем не уместился и свешивался с краев.

– Где он погиб? – спросил Вулф.

– На Сицилии.

– Славный был мальчик, – вставил Джон Белл Шаттак. – Я был его крестным. Он был лучшим парнем во всей Америке. Я гордился им. Горжусь и сейчас.

Райдер закрыл глаза, потом снова открыл их, снял трубку телефона, стоявшего у него на столе, и проговорил в нее:

– Соедините меня с генералом Файфом. – Некоторое время он ждал, наконец произнес: – Господин генерал? Мистер Вулф на месте. Все уже собрались. Нам к вам подойти прямо сейчас? Вот как? Хорошо, сэр, вас понял. – Полковник повесил трубку и сообщил присутствующим: – Он сейчас сам подойдет.

Вулф поморщился. Я прекрасно понял, чем вызвано его неудовольствие. Дело в том, что наверху, в кабинете генерала, имелось просторное кресло, причем не одно, а целых два. Я подошел к столу Райдера, положил портфель, расстегнул замки и вытащил гранату:

– Вот она, полковник. Пожалуй, достану ее сейчас, пока мы ждем. Куда мне ее деть?

– Я же сказал, что можете оставить ее себе, – скривился Райдер.

– Я помню. Однако я могу хранить ее только у себя в комнате в доме мистера Вулфа, а это недопустимо. Вчера вечером я видел, как он в ней ковырялся. Боюсь, как бы дело не дошло до беды. С другой стороны, хранить мне ее больше негде.

Все посмотрели на Вулфа.

– Вы все прекрасно знаете майора Гудвина, – с раздражением ответил он. – Я и пальцем бы не притронулся к этой штуке. Я не потерплю ее у себя в доме.

– Возвращение блудной гранаты, – с печальным видом кивнул я.

Райдер взял гранату, осмотрел чеку, убедился, что она в полном порядке, и вдруг вскочил, вытянувшись, поскольку дверь отворилась и появилась сержант Дороти Брюс, которая четко, по-военному доложила:

– Генерал Файф!

После того как вошел генерал, она снова удалилась в приемную, закрыв за собой дверь. Конечно же, к этому моменту мы все стояли по стойке смирно и козыряли Файфу. Он отдал нам честь, пожал руки, поздоровался с Джоном Беллом Шаттаком и, еще раз окинув кабинет пристальным взглядом, показал пальцем на левую руку Райдера.

– Что, черт подери, вы собрались делать с этой штуковиной?! – сурово спросил он. – Поиграть в мяч?

Райдер посмотрел на свою руку, в которой сжимал гранату:

– Сэр, ее только что вернул майор Гудвин.

– Это вроде одна из тех – системы Х14? Я не ошибаюсь?

– Никак нет, сэр. Она самая. Как вам известно, их нашел майор Гудвин. Я дал ему разрешение оставить одну себе.

– Вот как? Значит, дали разрешение? А я такое разрешение давал?

– Никак нет, сэр.

Райдер выдвинул ящик стола, положил туда гранату и задвинул ящик обратно. Генерал Файф подошел к стулу, развернул его к себе и сел на него задом наперед, положив руки на спинку. Ходили слухи, что он взял эту манеру после того, как увидел фотографию Эйзенхауэра, сидящего на стуле как раз таким образом. Я не имел ничего против этой привычки генерала: как-никак он был единственным профессиональным военным из всех присутствующих. Полковник Райдер был адвокатом из Кливленда. Полковник Тинкхэм работал сыщиком на какой-то нью-йоркский банк. Кстати, выглядел Тинкхэм так, словно мать-природа клепала его в спешке, чтобы налепить куда-нибудь подвернувшиеся под руку крошечные коричневые усики. Все части его тела были совершенно непропорциональны, словно их взяли от разных людей. Лейтенанта Кеннета Лоусона две недели назад прислали из Вашингтона, и он до сих пор оставался загадочной личностью. Впрочем, по поводу его происхождения все было яснее ясного. Его отец Лоусон-старший, промышленный магнат и владелец корпорации «Истерн продактс», прославился тем, что сослужил отчизне службу в трудный час, сократив свой оклад на сто тысяч долларов. Про Лоусона-младшего я знал лишь одно: на второй день службы у нас он попытался пригласить сержанта Брюс на свидание и получил от ворот поворот.

В кабинете остался единственный не занятый никем стул – рядом со шкафом. На стуле лежал маленький чемоданчик из свиной кожи. Стараясь поднимать шума не больше, чем полагалось в данных обстоятельствах мне, носившему чин майора, я поставил чемоданчик на пол и сел.

– Что вам удалось выяснить? – тем временем наседали генерал Файф. – Где народ? Где пресса? Что, нет фотографов?

Лейтенант Лоусон начал было ослабиться, но, увидев, как на него смотрит полковник Райдер, тут же придал лицу непроницаемое выражение. Полковник Тинкхэм погладил кончиком указательного пальца усы: сперва правый ус, потом левый. Именно этот жест он всегда использовал для того, чтобы продемонстрировать свою невозмутимость.

– Пока нам ничего не удалось выяснить, сэр, – ответил Райдер. – Мы еще толком не взяли за дело. Вулф приехал буквально только что. Остальные ваши вопросы...

– Адресованы не вам! – отрезал Файф, демонстративно разглядывая Джона Белла Шаттака. – Вы ведь вроде слуга народа? Ну и где же народ? Где микрофоны? Где кинокамеры? Как люди обо всем узнают?

Шаттак даже глазом не моргнул. Более того, он попытался пойти в контратаку.

– Послушайте, – с укоризной произнес он, – не надо думать, что мы зря едим свой хлеб. Мы, точно так же как и вы, по мере сил пытаемся исполнять свой долг. Иногда мне кажется, было бы неплохо взять вооруженные силы под наш контроль, скажем, на месяц...

– Боже всемогущий!

– А генералам с адмиралами дать на тот же месяц покомандовать в Капитолии. Вне всякого сомнения, мы многому научимся. Уверяю вас, я прекрасно понимаю, что это строго конфиденциальное дело. Я даже не упомянул о нем членам своего комитета в конгрессе. Я счел своим долгом обратиться за советом к вам. Именно это я и сделал.

Судя по взгляду Файфа, речь Шаттака ни на йоту не смягчила генерала.

– Вы получили письмо.

– Именно так, – кивнул политик. – Анонимное, без подписи. Отпечатанное на машинке. Возможно, это работа сумасшедшего. Скорее всего, именно так, однако я решил, что было бы неразумно игнорировать его.

– Вы позволите на него взглянуть?

– Оно у меня, – вмешался полковник Райдер.

Он извлек из-под пресс-папье на столе бумагу и, сделав несколько шагов по кабинету, протянул ее своему начальнику. Однако Файф рылся в своих карманах и даже не взглянул на листок.

– Я оставил очки у себя в кабинете. Читайте, что там.

Райдер подчинился.

Любезный сэръ,

я обращаюсь к Вам в силу того, что, по моему разумению, именно Вашему следственному комитету предоставлены полномочия расследовать дела подобного рода. Как Вам известно, в чрезвычайной обстановке, вызванной войной, армии доверяют секреты различных производственных процессов. Вполне вероятно, что подобная практика в данных обстоятельствах вполне оправданна, однако к ней прибегают также и для достижения преступных целей. Часть секретов, которые на данный момент не запатентованы и не находятся под защитой авторских прав, передаются тем, кто собирается их использовать в конкурентной борьбе после окончания войны. Законные владельцы лишаются собственности стоимостью в десятки миллионов долларов.

Найти доказательства происходящему будет сложно, поскольку злоумышленники введут в систему производства украденные новшества только после войны. Подробностей я Вам не сообщаю, однако честное и тщательное расследование непременно выведет преступников на чистую воду. Посоветую Вам только отправную точку: смерть капитана Альберта Кросса, служившего в военной разведке. Согласно официальной версии, позавчера он случайно упал или же выбросился с двенадцатого этажа отеля «Баскомб» в Нью-Йорке. Действительно ли это так? Выясните, что он расследовал. Что ему удалось узнать? С этого и начните.

Гражданин

Повисла тишина. Грбовая.

– Толково написано. Складно, – прочистив горло, заметил полковник Тинкхэм тоном учителя, хвалящего школяра за хорошее сочинение.

– Позвольте взглянуть, – попросил Вулф.

Райдер передал ему листок, а я встал, пересек кабинет и, подойдя к Вулфу, заглянул ему через плечо. Тинкхэм и Лоусон последовали моему примеру. Вулф любезно держал письмо так, чтобы нам всем было видно. Оно было отпечатано на самом обычном листке высокосортной бумаги. Автор разместил текст аккуратно посередине, набрав его с одинарными пробелами. Ни ошибок, ни помарок. В силу привычки и опыта я обратил внимание на две механические особенности пишущей машинки: буква «с» располагалась чуть ниже уровня строки, а буква

«о» была смещена чуть влево, например, в слове «этого» она слегка налезала на букву «т». Когда Тинкхэм и Лоусон отошли, я все еще всматривался в текст. Наконец Вулф отдал мне письмо, чтобы я вернул его Райдеру.

– Тоже мне! – фыркнул Лоусон, опустившись на стул. – Мог бы все выложить как на духу, а вместо этого одни намеки.

– То есть дело можно закрывать и расходиться. Я правильно понял, лейтенант? – с сарказмом в голосе поинтересовался Файф.

– Сэр?

– Я спрашиваю: ваш вердикт окончательный или вы все-таки позволите нам продолжить?

– Прошу прощения, сэр. – Лоусон покраснел. – Я просто заметил...

– Чтобы замечать, лейтенант, надо смотреть и слушать.

– Так точно, сэр!

– Если позволите... – начал полковник Тинкхэм.

– Да, говорите.

– Я насчет письма. Обратил внимание на кое-что интересное. Его автор обладает острым умом и очень хорошо образован. Кроме того, он прекрасно управляет с пишущей машинкой. Либо он надиктовал письмо машинистке, что весьма маловероятно. Посмотрите, какие ровные поля справа. А двойной пробел после каждой точки...

Вулф что-то буркнул, и Файф тут же перевел на него взгляд:

– В чем дело?

– Ни в чем, – отозвался Вулф, – хотя, думаю, я бы не стал возражать, если бы этот стул был сделан с бóльшим умом и был бы бóльших размеров. Если дискуссия и дальше будет оставаться на уровне детского сада, предлагаю присутствующим сесть на пол.

– Неплохая мысль. Не исключено, что мы дойдем и до этого, – кивнул Файф и обратился к Шаттаку: – Когда вы получили это письмо?

– Его доставили вместе с остальной почтой в субботу утром, – отозвался политик. – Обычный конверт, адрес отпечатан на машинке, с пометкой «Лично». Судя по штампу, его отправили из Нью-Йорка в пятницу, в половине восьмого вечера. Моим первым порывом было отдать его ФБР, но я решил, что, поступив так, обойдусь с вами бесчестно. Поэтому я позвонил Харолду... то есть полковнику Райдеру. Мне все равно нужно было ехать в Нью-Йорк. Сегодня я выступаю на обеде перед членами Национальной ассоциации промышленников... Вот мы и договорились встретиться здесь и все обсудить.

– Значит, вы не поставили в известность генерала Карпентера?

– Нет, – улыбнулся Шаттак. – После того как несколько месяцев назад ему пришлось давать свидетельские показания перед моим комитетом, я, скажем так, не в настроении лишний раз перебежать ему дорожку.

– Но ведь это дело в его компетенции.

– Я в курсе, однако в данный момент его интересы далеки от этой сферы... Или я ошибаюсь? – Шаттак округлил глаза.

– Сейчас он заварил кашу в Вашингтоне, – покачал головой Файф. – А может, и не кашу. Одним словом, он что-то стряпает. Итак, вы передаете письмо нам, чтобы мы провели расследование. Я правильно вас понял?

– Я не знаю, – замялся Шаттак, глядя в глаза генералу. – Письмо адресовано мне, как председателю одного из комитетов конгресса. Я приехал к вам, чтобы обсудить создавшееся положение.

– Знаете... – Файф тоже замялся и, подумав, продолжил, тщательно подбирая слова: – Знаете, я мог бы сейчас сказать, что речь идет о военной безопасности и потому обсуждать нам с вами нечего.

– Знаю, вы действительно могли бы так поступить, – согласился Шаттак, выделив интонацией словосочетание «могли бы».

Файф смерил его бесстрастным взглядом:

– Давайте поговорим неофициально, без протокола. В этом письме нет ни единого свидетельства того, что его автор действительно располагает полезной информацией. Любой человек с головой на плечах знает: в военном производстве задействованы тысячи обремененных нашим доверием людей, а вместе с ними интересы серьезных воротил и миллиарды долларов. По этим причинам случается всякое. Скажем так, случается очень многое, в том числе и то, на что намекает автор письма. Одна из задач военной разведки по возможности предотвращать подобные эксцессы.

– Разумеется, – перебил его Шаттак, – я и не рассчитывал, что изложенное в письме станет для вас громом среди ясного неба.

– Благодарю, – произнес Файф тоном, в котором не слышалось даже намека на благодарность. – Оно таким громом и не стало. Вы видели розовую штучковину, которую Райдер убрал к себе в стол? Видели. Это граната. Новая разработка. В ней все новое: не только конструкция, но и содержимое. Кое-кто захотел заполучить опытные образцы – и получил их. Нет, речь идет не об агентах противника, – по крайней мере, так считаем мы. Расследованием этого дела занимался как раз капитан Кросс, который погиб на прошлой неделе. Ни один человек на свете, за исключением присутствующих в этом кабинете, не знал, что именно расследовал Кросс. Кросс сел на хвост преступникам. Как именно – нам неизвестно, поскольку он с понедельника не выходил на связь. Возможно, теперь мы этого никогда и не узнаем. Майор Гудвин славно потрудились: он расшифровал запись в записной книжке Кросса – запись, показавшуюся нам всем бессмыслицей. Так ему удалось обнаружить гранаты. Они были спрятаны в ящике, оставленном Кроссом в камере хранения на автовокзале. Я рассказываю вам об этом, потому что, во-первых, в вашем письме упоминается Кросс, а во-вторых, мне хочется подчеркнуть одну вещь. Если автор письма пытается сообщить нам нечто такое, чего мы не знаем, ему придется сделать это еще раз.

– Господи боже, генерал, я в курсе, что вы не вчера на свет родились! – возразил Шаттак. – Поверьте, я получаю немало анонимок, которые сразу же отправляются в мусорную корзину. Однако я решил сообщить вам об этом письме в первую очередь из-за того, что в нем упоминался Кросс. Расследование обстоятельств его смерти вообще проводили?

– Естественно. Этим занималась полиция.

– А вы? – не отступал Шаттак. – Вы расследование проводили? Мне кажется, мой вопрос вполне уместен, – поспешно добавил политик. – Я интересуюсь у вас об этом неофициально. Насколько я понимаю, от расследования, которым занималась полиция, толку мало, если вы, конечно, не сообщили ей, чем именно занимался Кросс и кто конкретно об этом знал. Однако я полагаю, вы не вправе разглашать подобные сведения полиции.

– Мы сотрудничаем с полицией, но только до определенного предела, поскольку должны соблюдать режим секретности, – ответил Файф, снова тщательно подбирая слова. – Что же касается первого вопроса... Уместен он или нет, не так уж и важно, однако мы ни от кого не скрываем, что Ниро Вулф, будучи лицом гражданским, сотрудничал с нами, оказывая помощь в самых разных делах в качестве консультанта. Этот факт не является военной тайной. Об этом даже писали в газетах. Вы согласны, что Вулф достаточно компетентен?

– Я политик, – улыбнулся Шаттак, – и не склонен оказываться в меньшинстве.

– Так вот, Вулф занимается расследованием обстоятельств смерти Кросса по нашей просьбе. Если вы выясните, кто именно написал это письмо, сообщите об этом автору. Это должно его успокоить.

– Что ж, коли так, то, по крайней мере, я уже спокоен, – объявил Шаттак. – Простите, если вы не возражаете... Вы позволите задать мистеру Вулфу пару вопросов?

– Разумеется. Только я не обещаю, что он захочет на них ответить. Приказать я ему не могу. Он лицо гражданское и в армии не служит.

Вулф заворчал. Он уже давно демонстрировал столь хорошо знакомые мне признаки раздражения, нетерпения, дискомфорта и настойчивого желания поскорее вернуться домой, где его дожидалось холодное пиво и специально изготовленные на заказ кресла, без труда вмещавшие его тучную фигуру.

– Мистер Шаттак, – резко произнес Вулф, – позвольте вам кое-что пояснить. Возможно, ваши вопросы отпадут сами собой. Мне не так уж и важно, чем они вызваны – праздным любопытством или пламенем патриотизма, полыхающим в вашем сердце. Одним словом, капитан Кросс был убит. Я ответил на ваши вопросы?

Тишина. Никто не произнес и звука. Генерал Файф переглянулся с полковником Райдером, но ни один из них так ничего и не сказал. Полковник Тинкхэм погладил пальцем усики. лейтенант Лоусон, нахмурившись, уставился на Вулфа. Глаза Шаттака заблестели. Политик, прищурившись, окинул взглядом лица присутствующих.

– О боже! – наконец ахнул лейтенант Лоусон.

Глава 2

Вулф сделал вид, что ничего экстраординарного не произошло. Впрочем, в кабинете никто, за исключением меня, даже не догадывался о том, что Вулф притворяется. Я несравнимо лучше других знал его. Вполне допускаю, что остальные и не подозревали, что, несмотря на полуприкрытые веки, Вулф внимательно следит за реакцией присутствующих и от его внимания не ускользнет даже едва заметное движение.

– Боюсь, – сухо произнес он, – вы, мистер Шаттак, вряд ли сможете извлечь из этой истории пользу. Ни дополнительных голосов избирателей, ни признания общества, ни грома аплодисментов восторженной толпы. Я признал в вашем присутствии факт убийства исключительно потому, что не могу его сейчас доказать, да и в дальнейшем у меня вряд ли появится такая возможность. У меня нет ни единого доказательства, ни одной улики. Сесть в лифт и подняться на двенадцатый этаж в номер капитана Кросса мог в буквальном смысле кто угодно. Никого не видели. Несмотря на все старания полиции, гора родила мышь. Окно распахнуто настежь, капитан лежит на тротуаре. Мертв. Разбился. Вот и все.

– Тогда какого черта вы утверждаете, что его убили?! – резко спросил Лоусон.

– Потому что это так. У него не было ни малейших шансов случайно выпасть из окна. С теми же шансами на успех я мог бы участвовать в выборах в конгресс. Кросс не выпрыгивал из окна, не выползал из него наружу. В день смерти в восемь часов вечера он позвонил полковнику Райдеру и пообещал, что зайдет к нему утром с докладом. Кроме того, он сказал, что не спал двое суток и ему надо отдохнуть. А еще он послал телеграмму в Бостон своей невесте – написал, что проведает ее в субботу. И после этого кончать с собой? – Вулф презрительно фыркнул.

– Вот оно что... – слегка разочарованно протянул Файф и снова скрестил руки на спинке стула. – А я-то думал, вам удалось что-то нарыть...

– Я и нарыл, – погрозил ему пальцем Вулф. – Я установил, что капитана Кросса убили. Однако мне не удалось отыскать ниточки, которые смогли бы нас привести к убийце, – ниточки, берущие начало от изломанного тела на тротуаре или от номера, из окна которого вылетел мистер Кросс. Полиция прекрасно потрудились и при этом ничего не нашла. Нам нужно отыскать какую-нибудь другую отправную точку. Если преступник руководствовался неким личным мотивом, корни которого уходят в прошлое убитого, у полиции есть все шансы на успех. Именно эту версию сейчас и отработывают. Если же преступник был профессионалом и причина убийства кроется в деятельности капитана Кросса, значит убийцу, возможно, отыщем мы в ходе данного расследования. Если я правильно понял и мы продолжим расследование, то будем исходить именно из этих посылок. Так? Мы будем следовать прежней намеченной линии? С тем же кругом лиц?

Файф молча разглядывал уголок стола Райдера.

– Я задал вопрос, генерал, – отрывисто произнес Вулф.

– Безусловно, – вскинул голову Файф, – мы продолжим расследование. Разумеется.

– Пожалуй, мистер Вулф, у меня больше нет к вам вопросов, – удовлетворенным тоном изрек Шаттак.

– Вы мне позволите сделать замечание? – поинтересовался Тинкхэм.

– Валяйте! – отозвался Файф.

– Я по поводу круга лиц. Мистер Вулф использовал именно это словосочетание. Дело нам предстоит сложное и запутанное, пусть это единственное, что мы сейчас знаем наверняка. Кроме того, судя по тому, что случилось с Кроссом, если мистер Вулф прав, еще и в некотором смысле опасное. Такое дело нельзя поручать детскому саду, а ведь если мистер Вулф придерживается именно такого мнения о нас и особенно обо мне...

– Это что еще за телячьи нежности? – сурово спросил Файф. – Приказ исходит от меня.

– Полковник, я пытался вас просветить, а не унижить, – пояснил Вулф.

– Нежности тут совершенно ни при чем, – с чувством произнес Тинкхэм, что было для него весьма необычно. – Я-то как раз хочу и дальше принимать участие в расследовании. Мне просто хотелось окончательно для себя прояснить, с какой целью мистер Вулф задал вопрос о круге лиц.

– Чтобы получить ответ. – Вулф внимательно посмотрел на Тинкхэма. – И я его получил.

– И все же полковник Тинкхэм в чем-то прав, – вмешался Лоусон, обращаясь к генералу Файфу. – Например, сэр, вы сейчас говорите, что приказы исходят от вас. Однако это не так. По крайней мере на протяжении тех двух недель, что я провел здесь, они исходили либо от полковника Райдера, либо от Ниро Вулфа. Помимо того, что это вносит неразбериху, Вулф разговаривает с нами так, словно носит на плечах погоны генерала армии, а это не так.

– Господи, и вы туда же! – с отвращением воскликнул Файф. – Что, тон Вулфа уязвил и ваше самолюбие? Черт подери, армия действительно превращается в детский сад! Ну и что же мне делать? Если я отправлю вас за океан или сбегрю обратно в Вашингтон, ваш сменщик окажется еще хуже. – Он повернулся к Вулфу. – Что там у вас случилось с Райдером? Вы разошлись во мнениях? Отдавали разные приказы?

– Насколько мне известно, нет, – терпеливо ответил Вулф.

– А вы что скажете? – обратился Файф к Райдеру.

– Никак нет, сэр, – небрежно ответил Райдер, словно вопрос генерала был неинтересен и не представлял никакой важности. – Мистер Вулф активно принимает участие в совместной работе и оказывает нам огромную помощь. Лишь последний дурак станет возмущаться его манерами. Однако должен сказать: принимая во внимание обстоятельства, в составе нашего коллектива будут перемены. Хочу обратиться к вам с просьбой... Со всем уважением к вам я прошу вашего разрешения поехать в Вашингтон и встретиться с генералом Карпентером. Сегодня.

В третий раз в кабинете воцарилось гробовое молчание. Поскольку остальные присутствовавшие не являлись профессиональными военными, мы не могли до конца понять, что за подтекст крылся в просьбе, адресованной в подобной манере, однако от нашего внимания не ускользнуло то, что случилось с лицом Файфа. Оно словно застыло. Старый служака уставился на Райдера, сидевшего перед ним за столом. Впервые за все время нашего знакомства генерал выглядел по-дурацки.

– Пожалуй, сэр, – продолжил Райдер, выдержав взгляд Файфа, – мне следует добавить, что я собираюсь встретиться с генералом Карпентером отнюдь не по личному делу. Вопрос касается армии. У меня забронирован билет на рейс в пять вечера.

Снова молчание. Мускулы на шее Файфа пришли в движение, и генерал заговорил.

– Вы странно себя ведете, полковник, – сдержанно произнес он холодным тоном. – Насколько я понимаю, это объясняется тем, что вы не знакомы с правилами, принятыми у нас в армии. Подобные вещи обсуждаются без лишних свидетелей. У меня к вам неофициальное предложение. Если хотите, давайте поговорим о вашей поездке с глазу на глаз. Сейчас. Либо после обеда, после того, как вы все еще раз хорошенько обдумаете.

– Прошу прощения, – ответил Райдер; голос полковника был грустным, но при этом твердым. – Это ничего не изменит. Я прекрасно знаю, что делаю, сэр.

– Бог свидетель, надеюсь, что это действительно так.

– Да, это так, сэр. Итак, мне можно поехать?

– Можно, – отозвался Файф.

Судя по выражению лица, генерал хотел добавить: «Катись куда хочешь, а обратно можешь не возвращаться», однако сдержался, поскольку был офицером и джентльменом, ну а кроме того, разговор велся в присутствии свидетелей.

Должен признать, генерал прекрасно владел собой. Он встал, отпустил Тинкхэма и Лоусона, и они вышли из кабинета. Затем он предложил Джону Беллу Шаттаку пообедать с ним, и политик с признательностью принял приглашение. Затем Файф повернулся к Вулфу и выразил надежду, что тот присоединится к ним, однако Вулф, поблагодарив, отказался, соврав, что ему надо успеть на важную встречу. Вулф без особого восторга относился к ресторанам, а тот, в который собирался Файф, и вовсе терпеть не мог, утверждая, что там в баранину с карри добавляют серу. Файф и Шаттак вышли из кабинета, так больше и не перемолвившись ни единым словом с Райдером.

Вулф подошел к столу Райдера и, нахмурившись, опустил на полковника взгляд, дожидаясь, когда тот поднимет голову.

– Я считаю, что вы тряпка, – сообщил ему Вулф. – Это лично моя точка зрения.

– Не забудьте об этом упомянуть, если вдруг решите написать для меня рекомендательное письмо, – откликнулся Райдер.

– Непременно. Вы не желаете шевелить мозгами. У вас погиб сын. Убит один из ваших подчиненных, капитан Кросс. Сейчас вы не в состоянии принимать серьезные решения. Если у вас есть умный друг, у которого варит котелок, обратитесь к нему за советом. Либо посоветуйтесь с адвокатом. А можете – прямо со мной.

– С вами? – удивился Райдер. – Прекрасная мысль! Просто замечательная!

Вулф едва заметно, на четверть дюйма, приподнял плечи, после чего снова ссутулился, бросил мне: «Пошли, Арчи» – и направился к двери. Я снова поставил чемоданчик на стул и последовал за Вулфом. Когда мы проходили приемную, сержант Брюс подняла на нас взгляд. Вулф не обратил на нее внимания. Я остановился у ее стола и пожаловался:

– Мне что-то в глаз попало.

– Это плохо, – сказала она и встала. – В какой именно глаз? Дайте взглянуть.

«Господи боже, где же ее носило все эти годы! – подумалось мне. – Как можно попасться на такую бородатую хохму?» Наклонившись, я уставился в ее глаза, а она в мои. Наши лица разделяло не больше десяти дюймов.

– Вижу, – произнесла она.

– Правда? И что там?

– Не что, а кто. Я. В обоих глазах. И достать меня оттуда никак нельзя.

Она села и с абсолютно невозмутимым видом снова начала печатать. Это же надо было мне настолько ее недооценить!

– Ладно, один – ноль в вашу пользу, – признал я свое поражение и поспешил за Вулфом, который уже стоял у лифта.

У меня в голове крутилось около дюжины самых разных вопросов, которые мне хотелось озвучить Вулфу, и я надеялся получить ответы хотя бы на часть из них. Увы, мне так и не подвернулась возможность их задать. Когда? По дороге домой, когда я был за рулем, а он сидел на заднем сиденье? Нет. Не вариант. Вулф терпеть не мог поездок на автомобиле и потому в пути был не расположен к разговорам. Оказавшись дома, Вулф сразу направился на кухню, чтобы помочь Фрицу приготовить ланч. Они как раз собирались устроить очередной кулинарный эксперимент: пожарить баклажан на курином жире. За столом беседы о делах являлись табу, и потому мне пришлось выслушивать пространные рассуждения Вулфа о том, почему частая игра в шахматы может погубить любого боевого генерала. Затем, в силу того что Вулф пропустил утреннее свидание со своими ненаглядными орхидеями, он поспешил наверх, в оранжерею, а там, как я прекрасно знал, его нельзя было тревожить. Я спросил, можно ли мне вернуться на Дункан-стрит, и получил отказ. Вулф сказал, что я могу ему понадобиться. Поскольку в первую очередь мне было приказано нянчиться с Вулфом, я не стал с ним спорить и отправился в кабинет на первом этаже, сделал кое-какие мелкие дела и послушал радио.

В двадцать пять минут четвертого раздался телефонный звонок. Это был генерал Файф. В официальной манере, по-военному, как старший по званию, он приказал мне к четырем часам доставить Ниро Вулфа к нему в кабинет. Я сказал, что не получится, а генерал потребовал от меня сделать так, чтобы получилось, и бросил трубку.

Мне пришлось перезвонить генералу.

– Послушайте, сэр, вам нужно, чтобы Вулф с вами сотрудничал или нет? Со всем к вам уважением мне бы хотелось напомнить, что никакая сила на земле, за исключением вас или, по крайней мере, полковника, не заставит его изменить свои планы. Поэтому вы должны сами поговорить с ним и объяснить, что именно вам от него нужно.

– Черт его подери! Соедините меня с ним.

Я позвонил в оранжерею и обрисовал ситуацию Вулфу. В ответ он велел мне не вешать трубку и слушать их разговор с генералом. Так я и сделал. Ничего нового я не узнал. Файф всего-навсего заявил, что должен незамедлительно провести совещание со мной, Вулфом, Тинкхэмом и Лоусоном. Наконец Вулф согласился приехать. Когда он через десять минут спустился и мы направились к машине, я сказал:

– Хочу обратить ваше внимание на одну деталь – вдруг вы ее не заметили. Вы ошибаетесь, если решили, что Райдер решил поехать в Вашингтон на встречу с Карпендером, потому что услышал в ходе утренней встречи нечто экстраординарное. Когда мы вошли в кабинет, его чемодан уже был собран и стоял на стуле.

– Я обратил на это внимание. Дьявол заберит этих чертовых немцев! Заведешь машину, трогайся плавно и без рывков. И побереги свои остроты для другого раза. Я сейчас не в настроении.

Без пяти четыре мы уже стояли в вестибюле дома номер 17 по Дункан-стрит, то есть у нас еще имелось несколько минут. Рассеянно, по привычке я бросил лифтеру: «Нам на десятый» – и отвлекся от раздумий, только когда двери раскрылись на десятом этаже. Я совсем забыл, что кабинет Файфа расположен на одиннадцатом. Вулф уже успел завести свою дежурную шарманку, выясняя отношения с капралом на посту.

– Прошу прощения, мы ошиблись, – сказал я. – Нам надо... – Я так и не закончил фразу.

Все случилось в одно мгновение. Звук был негромким, оглушающим его точно назвать язык не поворачивался. Однако было в нем нечто такое, что пробирало до печенки. А может, дело было не в звуке, может, дрогнуло само здание. И хотя потом все утверждали, что ощутили толчок, лично я в этом сомневаюсь. Может, что-то случилось с воздухом. Одним словом, на какое-то короткое мгновение у меня внутри все замерло. Судя по лицу капрала, он испытал схожие ощущения. Мы с ним начали оглядываться по сторонам. Тем временем Вулф уже рванул к двери, ведущей к коридору.

– Эта та самая штукавина! – рявкнул он мне на ходу. – Я же говорил тебе!

Одним скачком я нагнал Вулфа у двери и, когда мы вошли, прикрыл ее за собой. Из многочисленных дверей в коридор уже начали выглядывать люди. Большинство из них были в форме. Некоторые направились в дальний конец коридора, пара человек вообще припустила туда бегом. Где-то впереди звучали голоса, а на нас надвигалась туча дыма и пыли, источавшая резкий кислый запах. Мы шагнули прямо в эту тучу и, дойдя до конца коридора, свернули направо.

Кругом царил немислимый хаос. Картина напоминала размытое фото из газеты с подписью: «Наши войска захватывают вражескую пулеметную точку в сицилийской деревне». Обломки, куски штукатурки, дверь, повисшая на одной петле, почти полностью обвалившаяся стена и мрачные люди в форме. Там, где когда-то был дверной проем, стоял полковник Тинкхэм. Когда два человека попытались, отстранив его, проникнуть в комнату, еще утром служившую кабинетом Райдеру, он преградил им путь и проревел:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.